

ПОСВЯЩЕНИЕ ЖИВОТНЫХ У ТУРЕЦКО-МОНГОЛЬСКИХ ПЛЕМЕН

Посвящение домашних животных какому-либо духу или божеству широко распространено среди турецко-монгольских скотоводов. Посвященное животное (у всех народов носит общее название: *yıyq* — у алтайских турок, кыргызов и казаков [Будагов 1871: 387], *yzuq* — у минусинских турок и у части шорцев [Вербицкий 1884: 460], *udyq* — у карагасов и урянхайцев (танну-тувинцев) [Катанов 1903: 554], *ytyq* — у якутов [Böhtlingk 1851: 30; Пекарский 1930: 3847], *juzuq* — у желтых уйгуров [Малов 1914: 73], происходящее, по мнению некоторых туркологов [Катанов, Будагов, Золотницкий 1875: 162–172], от общетурецкого корня *ı* (*yt*, *ys*) [Катанов 1907: 554] — «посылать, отправлять, отпускать». Этот общий термин означает «выбранный, назначенный, посланный, благословенный, священный, посвященный богу, посвященный для жертвы, жертва» (В. Радлов 1893–1911, т. I: 1385, 1409, 1380), В. Вербицкий [1884: 457 (*yzuq mal* — лошадь, посвященная богу)], Л. Будагов [1871: 387], А. Самойлович [1924: 210]), отправка (к духу покровителю), посвящение (Н. Катанов) [Катанов 1903: 554]. Термин *udyq* в значении «священный, святой» встречается уже в Орхонских надписях VIII в. (*udyq utuγan jyš* — священная Утуканская чернь; *udyq jeri-sub* — священная земля, вода) [Радлов, Мелиоранский 1897: 19, 24]. Любопытно, что у чувашей *jěřex*, соответствующий только что указанным терминам *yzuq-ytyq*, означает одновременно и посвящение, приношение духу или божеству, и само божество, насылающее болезни [Сбоев 1865: 124–125]. Золотницкий указывает основное значение *jěřex* как посвящение [Золотницкий 1875: 151], Паасонен переводит *jěřex* как злой дух [Paasonen 1908: 26].

Турецкому термину *yıyq* соответствует бурято-монгольский термин *setertu māl* [Голстунский 1894: 323; Clementz 1912: 13–14].

Самый акт посвящения выражается особым глаголом: *yıyqta* (или *yıyqla* — выбирать, посвящать в жертву) у алтайцев, *iqta* (*īqla*) у телеутов [Радлов 1893–1911, I: 1360, 1414], *udyqta* у урянхайцев и карагасов [Катанов 1907: 615, 621 (текст), 600, 608 (перевод); Потанин 1883: 80]. Минусинские турки употребляют глагол *sal* (класть, положить, поставить, назначить, ставить приношение). Выражение «*salybys čadyr*» означает «пускают (коня, посвященного духу) на свободу» [Катанов 1907: 553–568, 571, 596, 564, 611, 621 (текст), 608 (перевод)]. Карагасы употребляют глагол *tut* (держат, посвящают). Выражение «*udyqty tarynyı surynyı eziye tudar*» имеет значение «держат или посвящают животное хозяину горы и воды» [Катанов 1907: 621 (текст), 608 (перевод)]. Кыргызы говорят: «*yıyq köttöriü*» — «поднимать *yıyq*’а» (т.е. посвящать). Этим выражениям соответствует бурятское *adaha ongotxo* — «делать животное онгоном» [Sandschejew 1928: 938].

Для посвящения обыкновенно выбираются лошади, крупный рогатый скот, бараны и козлы. Предпочтительным, однако, животным является лошадь (рис. 1). (л. 1)

У оленеводческих племен (карагасов и урянхайцев-тоджи) духам посвящаются олени. Интересно отметить, что в старину якуты посвящали

Рис. 1. Обряд посвящения (жертвоприношения) лошади верховному божеству Кудая. Сагайцы, Минусинский округ, 1914 г. Фото С.Д. Майнагашева

живую собаку. Хозяин кормил ее и следил за тем, чтобы ее не били. Когда такая собака пропадала, труп ее вешали на дерево [Попов]. Посвящали собак и буряты [Гомбаев 1859: 247].

Различным духам посвящают животных строго определенной масти. Так, например, у алтайцев Ульгеню, небесному, верховному божеству, посвящают белых или светло-рыжих кобылиц. Эрлику же, божеству подземного мира, — скот темной масти [Вербицкий 1870: 62; Вербицкий 1884: 58]. Различие масти животного в зависимости от духа, которому оно посвящается, особенно полно и последовательно проведено у минусинских турок [Катанов 1907: 568–571, 316, 595 (текст), 555–557, 289, 576 (перевод); Яковлев 1900: 104], якутов [Чепалов 1914: 11–12] и бурят [Агапитов, Хангалов 1883: 39, 52]. Особое место у всех турецко-монгольских племен, как и у многих других народов, занимают белые и вообще светлые животные. Такие животные посвящаются небесным духам. Так, нам известно, что монголы уважали белый цвет и на осеннем празднестве доили исключительно белых кобылиц [Банзаров 1846: 58]. Качинцы уважали светло-серых лошадей, никогда на них не ездили, посвящали только богам [Риттер 1859: 516]. Наилучшей жертвой у кыргызов считается совершенно белый верблюд [Валиханов 1904: 17]. Белые кони посвящаются якутам[и], минусинским[и] туркам[и] и алтайцам[и] верховным, небесным духам. Любопытно отметить, что, по воззрениям этих племен, белые животные (в частности, лошади) небесного происхождения и интимно связаны с небесными духами и небом вообще; характерна в этом отношении легенда ордосцев, согласно которой белый конь спускается с неба в определенный день. Этот конь сам, без пастуха, прибегает к месту жертвоприношения [Потанин 1893b: 123]. Белый небесный конь, по воззрениям минусинских турок, пасется около небесного озера *süttiŋ köl*, около горы *sümbür*. Животные с особыми пометками, как, например, лошади с белыми пятнами на лбу, шее или около губ, белые бараны с черной или рыжей головой, с коричневой шерстью на лбу или около глаз, рассматриваются как наиболее угодные духам. Существуют такие представления, что посвящаемое животное отмечается и избирается самим духом, иногда даже до рождения животного [Малов 1914; Петри 1927: 32, 38; Островских 1895: 338].

Во время обряда посвящения [Агапитов, Хангалов 1883: 39]¹ стараются убедиться в действительной угодности посвящаемого животного духу. Определение угодности животного духу является одним из существеннейших моментов обряда посвящения. Производится это определение таким путем: на спину животного ставят чашку, и по тому, как эта чашка упадет, определяется угодность (л. 2) животного. Животное заставляют пить кумыс. Если оно выпьет напиток без принуждения, это является свидетельством его желательности духу. Но самым верным признаком избрания считают дрожание животного при совершении процедуры посвящения, потение его

или выступание пены. Подобное вздрагивание животного буряты рассматривают как следствие вселения духа в посвящаемое животное. Согласно воззрениям якутов, алтайцев и минусинских турок, потение и дрожание животного во время посвящения происходит от того, что шаман совершает на нем или вместе с ним поездку у духу, которому оно предназначается.

Иногда случается, что животное во время посвящения падает замертво; в таких случаях его сразу же заменяют другим животным (якуты).

Во время обряда посвящения животного окуривают зажженным можжевельником, пихтовыми ветвями или богородской травой, омывают и окропляют молоком или водкой и наливают в гриву кумыс. Шаман или хозяин животного кланяется животному и обращается с молитвой к духу, которому оно посвящается. У кыргызов хозяин, посвящающий животное, обычно говорит: «*Bajyambarlardyn žoluna qojdyt*» — «На путь пророков я поставил (положил)». У минусинских при посвящении кладут иногда на животное изображение того духа, которому оно посвящается. У якутов шаман подходит к посвящаемой лошади, обнимает ее за шею, целует, плюет на нее и подносит ей кубок с кумысом. Лошадь должна выпить весь кумыс без всякого принуждения. Минусинские турки иногда подносят посвящаемому животному молоко. Затем вплетают в гриву и хвост животного ленты [Radloff. Алтайцы]ⁱⁱ, буряты, помимо лент, одевают на шею быка маленькое ярмо [Агапитов, Хангалов 1883: 52]. Якуты украшают животное вышитой шелком и бисером обротьейⁱⁱⁱ [Маак 1887: 118]. Карагасы одевают на посвященного оленя особый матерчатый ошейник из разноцветных тряпок [колл. МАЭ, № 1480-3]. Есть указание на то, что прежде карагасы раскрашивали шерсть белого оленя охрой (красной или желтой) и синькой, так что олень становился или пестрым, или полосатым; затем прокалывали ему уши [Костров 1871: 698]. В отличие от других оленей, посвященному оленю не спиливают рога (карагасы) [Петри 1927: 32]^{iv}. После совершения обряда посвящения посвященное животное со всеми знаками отличия отпускают в стадо.

Посвящается животное либо на всю жизнь, либо же на определенный срок, по истечении которого оно убивается в жертву духу. Первый вид (л. 3) посвящения практикуется главным образом у якутов и минусинских турок, а второй — на Алтае. Особо должно быть выделено посвящение животных по случаю заболевания человека. Такое животное не может быть убито при жизни человека, ради которого оно посвящено. Нарушение этого правила влечет за собой вторичное заболевание человека или даже его смерть. После смерти этого человека животное сразу убивается. Встречаются случаи, когда животное убивается при выздоровлении человека или приносится в жертву во время болезни за душу больного.

Наиболее полная и, по всей вероятности, наиболее древняя форма посвящения животных отмечена у якутов. Известно, что в старину якуты

посвящали *Ürñj aju tojon*'у (создателю мира и человека) табуны кобыл и жеребцов, которых угоняли как можно дальше на восток. Этот обычай сохранился у якутов до наших дней (отмечен еще в 1925 г. в Вилуйском округе, где выполнялся лишь очень богатыми якутами в исключительно редких случаях). Верховным духам посвящают «в подарок» 27 совершенно белых лошадей. Камлание, во время которого происходит угон этих лошадей в верхний мир, совершается осенью, когда начнут замерзать воды, и повторяется три раза. В юрте перед шаманом расставляют 27 изображений лошадей, вырезанных из бересты [Попов 2006: 321]. Одновременно с этим запирают в пригоне 18 кобыл и 9 жеребцов белого цвета и 3 совершенно желтых оседланных коней для погонщиков. Шаман, совершая камлание (рис. 2), несколько раз повторяет: «Твоих трижды девять лошадей пригону, пусть будет разбег. Отправляясь в верхний мир, погоняя, угоняя трижды девять беленьких лошадушек» [Попов 2006: 321]. Якуты, согласившиеся быть погонщиками, ударяют березовыми палками по берестяным изображениям лошадей [Попов 2006: 324]. Весь обряд, а также молитвы наглядно рисуют отправку лошадей в небесный мир. Шаман повествует в своих молитвах о невидимом путешествии, которое он совершает с лошадьми. Собирая затем изорванные остатки берестяных изображений лошадей в бубен и высыпая их в огонь, он говорит: «Удалились, дошли, дошли». Этими словами он сообщает о том, что лошади дошли до духов и вручены им. В это время, когда шаман совершает свои действия, помощники его — погонщики лошадей — привязывают зажженную бересту к хвостам двух

Рис. 2. Камлание шамана при совершении обряда посвящения лошади. Сагайцы, Минусинский округ, 1914 г. Фото С.Д. Майнагашева

кобыл и одной лошади, для того чтобы эти животные бежали скорее и увлекали за собой остальных, садятся сами (л. 4) на оседланных желтых коней и угоняют лошадей с криком и гиканьем на запад [Попов 2006: 328]. Во время последующих камланий погонщики должны ехать и смотреть, не вернулась ли домой какая-нибудь из угнанных лошадей. Шаман же в молитвах говорит: «Вот эта ночь, в которую, доезжая к имеющему совершенно белых лошадей — *Ulu tojon* 'у, должен вручить ему (лошадей)». В заключение обряда шаман передает *Ulu tojon* 'у лошадей и удостоверяется в том, что животные ему понравились.

В настоящее время все турецко-монгольские племена обычно посвящают по одному животному. Как правило, такое животное должно дожить до конца своих дней и переходить после смерти своего владельца к его наследникам. Существует различное воззрение на судьбу посвященного животного. Якуты, например, считают, что посвященное животное доживает до глубокой старости. Алтайцы, кыргызы, минусинские турки раннюю смерть посвященного животного рассматривают как особое расположение к нему духа. Согласно же воззрениям, отмеченным у некоторых кыргызов, посвященное животное вовсе не может умереть естественной смертью. Убивать посвященное животное разрешается лишь в исключительных случаях при выполнении определенных обрядов. У якутов раньше, чем убить такое животное, шаман должен снять с него запрет. Но обычно дух не прощает такого поступка и берет себе вместо животного одного из близких родственников его владельца. У кыргызов разрешается резать посвященное животное лишь в особо торжественных случаях, как, например, при помещении сына в колыбель, причем необходимо совершать особую церемонию с черепом, костями и мясом животного. У минусинских турок, алтайцев и телеутов разрешается резать посвященное животное, лишь заменив его новым такой же самой масти и с теми же особенностями. Не разрешается и продавать такое животное. Если вор украдет такое животное, то непременно сойдет с ума (кыргызы). Когда потеряется освященная лошадь (*yzyq*), то дьявол (*айна*) насылает на ее хозяина болезнь (минусинские турки). Продаются священные животные лишь в случае крайней необходимости, но сразу же посвящают взамен него новое (желтые уйгуры). У некоторых племен считается возможным, а иногда и необходимым при наступлении старости посвященного животного убивать его и заменить другим, молодым. У минусинских турок если посвященному коню исполнится 10 лет, вместо него посвящают двухлетнего жеребенка. (л. 5)

Заменяя состарившееся животное новым, необходимо передать молодому животному слюну старого, и только после этого молодое животное становится *ызыком*. Буряты в случае смерти посвященной лошади вплетают ее хвост и гриву в другую лошадь, которая заменяет околешнюю. После совершения обряда посвящения животное, как мы уже говорили выше,

отпускается в стадо, но с этого момента положение его по сравнению с остальными животными стада совершенно отличное. В отношениях к посвященному животному может быть отмечено несколько переходных ступеней. Древнейшей и наиболее примитивной формой отношений надо считать ту, когда животное отпускается на волю, поступая как бы в полное распоряжение духов, и ее хозяин отныне не имеет на нее никаких прав и притязаний, не смеет даже прикоснуться к нему. Так, например, у якутов, как уже было упомянуто, угоняли посвященных животных, и хозяин не интересовался больше их судьбой, будучи уверенным, что они поступили в распоряжение духа, эти животные терялись в лесу, приставали к чужим табунам или на них охотились соседние тунгусы. Минусинские татары, по описанию Степанова, справляя годовой праздник, выбирают наилучшую белую лошадь во всех улусах: ее приводят на освященное место, скидывают с нее уздечку и пускают на свободу. С этих пор никто не смеет прикоснуться к ней: она бродит по воле и пристаёт к любому тауну. У некоторых племен существует по отношению к посвященным животным целый ряд строгих запретов, как, например, не ловят, не седлают посвященных лошадей (минусинские турки, алтайцы), у монголов, например, никто не дерзал садиться на посвященных лошадей до самой их смерти; не стригут баранов (кыргызы), не доят коров и лошадей (алтайцы, якуты). Даже прикосновение к такому животному не разрешается, не говоря [уже] о пролитии его крови. «У бурят, такие животные, — пишет Марков, — священные особы, пугать их, бить, а тем более убивать считается грехом. Когда однажды баран подошел ко входу юрты, бурят ни сам не решился, ни другим не позволил его отогнать. Он долго и терпеливо ждал, пока баран не отошел сам от входа и дал ему возможность выйти из юрты» [Марков 1871: 51–52]. У якутов, когда однажды посвященная лошадь накололась на дерево, никто не решился вынуть из раны кол, чтобы не пролить крови животного и не навлечь этим гнева божества на себя. Дух, которому животное посвящено, строго взыскивает за нарушение этих запретов и посылает на людей болезни (л. 6) и даже смерть. Но постепенно эти строгие запреты, оказываясь слишком обременительными для хозяйства, начинают смягчаться. Так, мы видим, например, у кыргызов, что посвященного барана нельзя ловить, ни стричь, но на посвященной же лошади ездить разрешается. Точно так же и у других племен разрешается оседлывать лошадь, но ездить на ней может только хозяин или же его сородичи-мужчины. У бурят разрешается доить посвященных коров, в то время как у якутов, например, не разрешается доить ни кобыл, ни коров. У карагасов посвященных оленей можно доить, но ездить на посвященном быке запрещается.

Но даже тогда, когда посвященные животные начинают использоваться в хозяйстве, отношение к ним все же продолжает оставаться отличным от обычного отношения ко всем остальным животным. Так, запрещается

возить на посвященном тяжести, перевозить мясо, грязные предметы, покрывать грязным потником (якуты, алтайцы, телеуты, кыргызы, минусинские турки, буряты). Если на такую лошадь сядет человек в грязной одежде, то он непременно заболит за непочтительное отношение к божественной лошади (желтые уйгуры). Наибольшей строгостью и категоричностью отличаются отношения к посвященным животным женщин. Будучи, с одной стороны, чужеродной, а с другой — рассматриваемая как существо нечистое, женщина должна соблюдать по отношению к посвященным животным, как вообще к родовым духам и божествам, особо строгие запреты. Ей не только никогда не разрешается ездить на посвященной лошади или олене, но она не смеет их оседлывать, не может кормить и не должна прикасаться ни к ним, ни к их сбруе. Она не должна также ни перешагнуть через седло такой лошади, не ходить слишком близко около нее¹.

Особенное отношение к посвященным животным существует и после их смерти: кости их и в особенности череп оленя бережно сохраняются (алтайцы, минусинские турки, якуты, кыргызы). Буряты убивают посвященное животное особым способом, так как ни под каким видом не должен быть поврежден череп, кыргызы не разрешают жарить мясо посвященного животного на огне: его необходимо варить. Женщина-кыргызка не должна притрагиваться к голове такого животного; если она станет есть мясо от головы, то никогда не будет иметь детей и может даже сойти с ума. Череп посвященного животного обыкновенно вывешивается около дома и служит защитой от всевозможных несчастий (л. 7) (алтайцы, якуты, минусинские турки, кыргызы). Кыргызы кладут его также на священные места — *мазары*, как, например, около целебных источников и т.д.

Подобное отношение к костям, а главным образом к черепу объясняется тем, что примитивные племена на известной ступени развития считают костяк вообще, а череп в частностиместилищем и носителем души. Таким образом, сохраняя костяк, человек сохраняет душу животного, которая будет охранять его, дом его и стадо, как это делало само посвященное животное при жизни. К костям так бережно относятся еще из-за желания, чтобы животное могло перейти к духу в полном и совершенном виде.

Посвященное животное рассматривается как животное того духа, которому оно посвящено. Духи, живущие по образу людей, нуждаются в скоте, так же как и люди, и обладают скотом, как и люди. Так, по представлению якутов, верхние духи имеют конный скот, нижние — рогатый. По представлению алтайцев и телеутов Ульгень ездит на светлых лошадях, а Эрлик — на темном аргамаке. Обычное обращение минусинских турок

---

¹ Записи автора у алт[айцев], телеутов, мин[усинских турок] и кыр[гизов].

к духам начинается следующими совами: «Ездишь ты верхом на красно-рыжем коне» и т.д. Духи, по воззрениям всех турецко-монгольских племен, ездят на посвященных им животных. По рассказам кыргызов, алтайцев и минусинских турок, посвященные лошади часто бывают утром покрыты пеной, как будто бы кто-то гонял их всю ночь. Это духи ездили на этих животных ночью. По этой же причине, возможно, не разрешается людям ездить на посвященных конях ночью (кыргызы).

Посвященное животное охраняет стадо и способствует его плодovitости. Скотовод, посвящая духу одно из принадлежащих ему животных, ставит под защиту духа все свои табуны. О качинцах Паллас пишет: «Посвящение бывает тогда, когда шаман молит за кого-то о счастье в скотоводстве». У сагайцев посвященное животное содержится хозяином как «талисман, для плодovitости скота»^v. У карагасов посвященный олень предохраняет все стадо оленей от болезней и зверей. Этот олень называется «шаман-олень». Точно так же и у кизыльцев посвященное животное является покровителем и оберегом стада^{vi}. Вот почему, когда шаман минусинских турок, приглашенный отгадать место, где находится угнанный скот, обещает возвращение утерянных животных, (л. 8) он говорит хозяину: «Хорошо, что у тебя есть язык, украденных коней твоих недалеко увели». Посвященный баран у кыргызов охраняет все стадо овец. Он знает заранее, когда придет волк в стадо, он ложится тогда отдельно, в стороне от других животных, там, откуда должен прийти зверь, и предостерегает всех остальных овец.

Посвященное животное является и посредником между человеком и духом, которому оно посвящено. Оно рассматривается [и] как защитник самого человека, являясь его духом-покровителем.

Некоторые исследователи полагают, что турецко-монгольские племена рассматривают посвященное животное как обитель духа или божества и в этом видят его силу. Так, Санджиев прямо называет посвященное животное у бурят «живым онгоном» или тотемом. Близкое понятие обозначает термин «заонгоненные кони», пр[офессор] Б. Петри. Клеменц называл посвященное животное «живым онгоном до известной степени»^{vii}. Я считаю на основании текстов молитв, действий шамана и всего ритуала посвящения, что обряд посвящения животных является одним из видов жертвоприношения, отличающийся от обычного жертвоприношения лишь тем, что животное не убивается, а отправляется к духу или божеству живым^{viii}. И в самом деле: если мы сравним обряд обыкновенного жертвоприношения с обрядом посвящения, то увидим, что в основном они совершенно совпадают. В том и в другом случае животное препровождается к духу. В обоих случаях угодность животного духу определяется по падению чашки, и совершается окуривание животного. В том и в другом случае вздрагивание животного считается признаком его угодности духу и т.д.

За правильность такого толкования говорит и целый ряд других несомненных данных. Так, напр[имер], у якутов раньше, чем принести животное в жертву, шаман спрашивает у духа, как именно принести ему эту жертву: посвятить ли животное или же заколоть его. Термин *ызык* у алтайцев означает одновременно и жертву, и посвященное животное [Вербицкий 1884: 460; Радлов 1893–1911, т. I: 1397], к тому же еще надо прибавить, что посвященное животное у некоторых турецких народов рано или поздно убивается для духа, т.е. приносится в (л. 9) жертву ему. И нет ничего удивительного в том, что животное приносится в жертву живым — духи не только нуждаются в мясе и крови животного, они ощущают нужду и в живых животных: живые животные служат им для самых различных целей: они разъезжают на них, вселяются в них и т.д.^{ix} (л. 10)

Примечания

ⁱ На этом же месте стоит карандашная помета: «Яковлев».

ⁱⁱ Сноску восстановить не удалось.

ⁱⁱⁱ *Оброть* – недоуздок, конская узда без удила.

^{iv} Далее по тексту ссылки продолжают, но в связи с тем, что библиографический список к настоящей статье автором многократно исправлялся, невозможно полное восстановление библиографии.

^v Здесь сделано примечание в виде знака W: «буряты».

^{vi} Здесь сделано примечание: «у бурят».

^{vii} Далее часть текста вычеркнута: «В то время как в онгоне он видел само божество, он посвященное животное рассматривал как добавление к этому онгону и отличие от последнего видел лишь в отсутствии жертвоприношений ему. Даже Санджиев рассматривает обряд посвящения как вселение шаманом духа в животное».

^{viii} На полях справа от этого предложения сделано примечание в виде знака W: «Паллас».

^{ix} Далее часть текста вычеркнута: «Совершенно понятно, почему мы находим институт посвящения животных в таком развитом виде именно у турецко-монгольских скотоводческих народов. Этот институт естественно мог вырасти и развиваться главным образом на базисе скотоводства».

Архивная справка

Хранение: АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 220 (13 л.).

Состав: один экземпляр машинописного текста статьи (л. 1–13, 13 об.).

Описание: машинописный текст статьи содержит рукописные вставки тюркских слов и словосочетаний, выполненных карандашом. Имеются также небольшие исправления текста статьи (л. 9–10, черные чернила). Значительные исправления внесены в библиографический список к статье (л. 10–13, карандаш) с неоднократным изменением нумерации работ в списке, что сделало невозможным идентифицировать некоторые из их со ссылками в тексте статьи. Формат листов немного больше А4. Архивная пагинация совпадает с авторской.

Л. 13 об. (формат А5) содержит небольшой набросок карандашом теоретических взглядов автора на природу религии, по-видимому, подготовленный Надеждой Петровной для какой-то другой статьи: тезисные наброски концепций Л. Леви-Брюля, О. Конта, Э. Дюркгейма.

Датировка документа: по архивной описи: 1929–1933 гг.

Состояние: листы пожелтели, в л.1 повреждены края.

Иллюстрации к статье: из 9 фотографий и рисунков, подготовленных Н.П. Дыренковой для данной статьи, в настоящем издании помещены только 2, состояние которых оказалось пригодным для публикации. На фотографиях имеются подписи на немецком языке, возможно, автор готовила данную статью для публикации на немецком языке.